

НОМО INFORMATICUS КАК ЭВРИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Статья посвящена анализу закономерностей теоретического освоения мира, в частности процедур формирования моделей человека в различных отраслях социального знания. Особое внимание уделяется раскрытию специфики теоретического конструкта homo informaticus, осмыслению его мировоззренческого и методологического потенциала.

Ключевые слова: идеальный тип, идеализация, теоретический конструкт, информационная антропология.

Дилемма повседневного и научно-теоретического буквально пронизывает человеческое мировосприятие. Сам факт теоретизации в науке – процесс закономерный и объективный. Он связан с отказом от огромного многообразия качественного и мотивационного, что свойственно человеку в повседневной жизнедеятельности. Последние несколько десятилетий в социальных науках прошли под знаком формирования многообразных теоретических моделей человека. Речь идет о таких утвердившихся в социальной теории конструктах как homo economicus, homo sociologicus, homo politicus и т. д. Осмыслению этого показательного тренда посвящено большое количество исследований. В рамках решения задач, поставленных в данной статье, будет достаточным указать на инспирирующие труды В.С. Автономова [1], К. Лавалы [2], А.Н. Сорочайкина [3], В.П. Филатова [4], а также материалы дискуссии, развернувшейся на страницах «Вестника Самарского университета» [см. подр.: 5–9].

Используя названные выше теоретические наработки, предложим исследовательскую гипотезу: привело ли формирование развитой информационной среды к изменению природы самого человека? Иными словами, отвечает ли современным реалиям все чаще встречающийся в исследовательской литературе теоретический конструкт homo informaticus? В большинстве исследований лейтмотивом проходит мысль, что зарождение этого конструкта в качестве нового типа личности – явление вполне реальное. В самом деле, колоссально возросшие в современном мире объемы циркулирующей информации меняют не только самого человека, но и сущность социальных отношений. Современное общество буквально погружено в плотную информационную среду, стремящуюся к полной автономии и абсорбции человека в свои зоны влияния. Вполне естественно, что новая эра влечет за собой и иной онтологический строй – новые правила поведения, систему мировоззрения и информационную культуру.

Поэтому вовсе не случайно, что все произошедшие изменения заставляют всерьез задуматься над тем, какой именно тип личности рождается из этой начинающей преобладать культуры и какой тип личности впредь будет доминировать в

* © Моргунов А.А., 2013

Моргунов Андрей Александрович (andrew.morgunov@gmail.ru), кафедра философии и истории Самарского государственного архитектурно-строительного университета, 443001, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194.

текущей повседневности с учетом интенсификации процессов социокультурной глобализации и построения глобального сетевого общества. Требуется особое осмысление и то обстоятельство, как будут формироваться у человека информационной эпохи, подвергающегося тотальным атакам со стороны всевозможных масс-медиа, такие важные духовно-ценностные характеристики, как самосознание, самоидентификация, по каким критериям он будет определять собственную идентичность и где будет проходить грань между индивидуальным и социальным. Все эти насущные вопросы прямо обращают нас к проблеме формирования нового типа личности — *homo informaticus*, который, по всей видимости, и составляет ядро формирующегося информационного общества.

Особо распространенным среди исследователей является взгляд на *homo informaticus* как *духовно деформированный антропологический тип*. В унисон с вышеизложенным звучит предупреждение, что новая искусственная среда обитания приводит к взаимному отчуждению членов социума, разрыву социальных связей и в конечном итоге — распаду самого общества. В этом контексте в последние десятилетия философы активно обсуждают проблемы «расчеловечивания» людей, киборгизации, вытеснения естественной природы искусственными артефактами, а также формирования новой «информационной антропологии» [см., напр.: 10]. Отметим, что словосочетание «информационная антропология» еще не получило постоянного категориального статуса и фиксированного содержания в современной гуманитаристике. Его существование как научно-философского концепта поддерживается за счет актуального сочетания присущих современности смыслополагающих понятий — «информация» и «антропология». Объектом информационной антропологии, с нашей точки зрения, должен стать человек, действующий в системе информационно-обменных процессов социума; ее предметом — человек как особая система, взаимодействующая на основе информационных связей с окружающей действительностью. Фундаментом проблематики информационной антропологии можно считать кибернетические идеи Н. Винера, в которых человек рассматривается как система, взаимодействующая с окружающей действительностью на основе информационных связей. Такого рода подход предполагает выявление специфики информационных процессов на разных уровнях организации и жизнедеятельности человека. Около пятидесяти лет назад сходный вывод сделал академик А.И. Берг: «Прямой опыт доказано, что человек может нормально мыслить длительное время только при условии непрекращающегося информационного общения с внешним миром» [11, с. 259–260]. Этот тезис является ключевым для конституирования информационной антропологии как научного направления, рассматривающего антропологические проблемы в тесной связи с исследованием информационных процессов в обществе.

В условиях тотальной информатизации человеческого бытия проблема человека может быть позиционирована как проблема его информационного преобразования и развития. Так, трансформацию классического *homo faber* (человек «делающий») в *homo informaticus* исследует М.Г. Абрамов. По мнению этого автора, данный процесс напрямую связан с широким распространением компьютерной техники и появлением в этой связи нового способа работы — работы на дому, в виртуальном офисе. «Такой работник, — пишет указанный автор, — буквально “растворен” в информационной среде и целиком от нее зависит, тогда как роль социальной, привычной всем нам, среды здесь вторична. По сути, это означает смену среды обитания современного человека!» [12, с. 127] Последствия превращения «человека умелого» и «общественного» в «человека информационного» и «аутичного» пока трудно предсказуемы: данный процесс разворачивается постепенно и

незаметно для нашего сознания. Однако в контексте уже произошедших изменений он вполне может превратиться в фактор минимизации непосредственных социальных связей, отчуждения друг от друга членов социума.

Еще одной разновидностью «человека информационного» является «человек кликающий» (понятие В.В. Тарасенко). В своих рассуждениях автор данного термина исходит из того, что человек — это существо «ручное», т. е. действующее главным образом руками. «Человек начинается с пальцев и рук <...> Палец умнее, чем мозг. Палец быстрее осваивает предлагаемое ему новое действие, а разум плетется за пальцем, создавая возможные концепции и схемы объяснения», — констатирует автор [13, с. 113]. Манипулируя пультом от телевизора, зритель из обрывков и фрагментов сам себе создает персональное развлечение. Нетрудно усмотреть параллели между человеком, занятым подобного рода «зэппингом» («зэппинг» предполагает порхание с канала на канал, без долгой задержки где бы то ни было), и человеком, погруженным посредством клавиатуры в среду Интернет. И тот и другой «кликают» (от англ. *click* — в компьютерной терминологии — «нажать и отпустить клавишу, щелкнуть мышью»), что и позволяет выделить «человека кликающего» в особую разновидность людей. «Зэппинг» создает специфическое изотропное пространство — хронотоп равновероятных перескоков — блужданий между страницами. Нажатиями, перескоками современный человек формирует свои точки встреч с информацией, и все эти встречи равновероятны. «Человек кликающий» гуляет перескоками по миру и таким же способом строит мир. И этот процесс может длиться до бесконечности. Главным здесь является то, что в процессе подобных интеракций меняются как предполагаемая цель интеракции-кликания, так и его вероятная причина. Ибо жесткое причинно-следственное описание в данном случае попросту некорректно. Своим взаимодействием «человек кликающий» меняет весь мир, а изменившийся мир, в свою очередь, меняет и его самого [13, с. 116–117].

В отношении «человека кликающего», увлеченно занятого «зэппингом», закономерно встает вопрос: с кем же мы все-таки в данном случае имеем дело? С маргиналом, антисоциальным и полностью иррациональным существом, находящимся вне какой-либо культуры, или же, напротив, с олицетворением новой культуры, новым *типом* человека, создающего и транслирующего принципиально иные культурные практики? С настораживающим постоянством в современной литературе повторяются версии, тяготеющие именно к первому варианту ответа. Так, согласно определению В.А. Цуканова, *человек кликающий* — это «...девиант, энергии которого хватает только на то, чтобы едва-едва шевелить конечностями» [см.: 14]. Отметим, что существует и более пессимистичные оценки: «Существо, сидевшее в скрюченной позе на расшатанном стуле за столом перед монитором, замороженно не сводило взгляда с мелькавших картинок. Оно не меняло позу уже 14 часов подряд. Даже положение головы оставалось тем же <...> Разноцветные вспышки монитора все сменяли и сменяли друг друга, тускло освещая лицо того, что раньше гордо называлось гомо сапиенс. Гомо информатикус» [см.: 15].

В своей работе «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм утверждал, что человек технического века страдает от тотального отчуждения, и дух тотальной техники имеет «некрофильный характер». «Новый тип человека и его характер, — констатирует философ, — не уместаются в рамки старой типологии» [16, с. 458]. Если «рыночная личность» ориентирована на чувственное восприятие своего тела и протекающих в нем процессов, то «кибернетический человек» воспринимает тело только как инструмент для достижения собственных целей, тянется ко всему искусственному, отворачивается от живого, природного [16, с. 459]. Он может совсем не интересоваться трупами, но мир тотальной автоматизации, в кото-

ром он живет, сам по себе является неживым. «Кибернетическая личность руководствуется исключительно рациональными категориями, — пишет далее Э. Фромм, — причем такого человека можно назвать *моноцеребральным* — человеком одной мысли (“одного измерения”») [16, с. 462]. Еще одна отличительная черта кибернетической личности — особый *нарциссизм*, при котором самоцелью является собственное «Я», все *свое*. Философ отмечает склонность подобного типа личности к стереотипным моделям поведения. Психоаналитический подход автора представляет в контексте нашего исследования несомненный интерес. Ведь чем больше мы втягиваемся в информационное общество, тем вероятнее доминирование в нем особого типа социального характера — «информационного», вдвойне опустошенного по сравнению с предшествующим, «рыночным» типом. Вследствие этого, решая по преимуществу проблемы социально-экономического порядка, мы, сами того не сознавая, множим социально-психологические и внутриличностные проблемы, которые еще труднее поддаются разрешению.

Еще один образ *человека информационного* представлен в работе Ю.А. Васильчука. Автор считает, что в современном мире в тесных взаимосвязях функционируют как минимум четыре типа людей. Наиболее близок к рассматриваемой нами проблематике четвертый тип в интерпретации Ю.А. Васильчука — это *человек альтернативный*. Он живет своим индивидуальным призванием и находит себя, погружаясь в мир виртуальной реальности [см.: 17, с. 5–26]. Оригинальное определение современного человека как «*постчеловека*» находим у В.И. Самохваловой. Ее идея базируется на том факте, что ушедший XX век наряду с тем, что он был «веком атома», «веком освоения космоса», «веком компьютеризации», явился еще и веком глобального и всеохватывающего доминирования феномена «пост-»: постиндустриального общества, постструктурализма, постмодернизма, постклассической и постнеклассической науки и т. д. Гегемония частицы «пост-» означает, что в наш век практически невозможно выделить что-то принципиально новое, но только «пост-прежнее». За видимым усложнением культуры стоит лишь повторение, перепевание одного и того же. Размытость ценностей, амбивалентность оценок, текучесть смыслов, невнятность позиций и предпочтений — все это характеристики современного состояния сознания [см.: 18].

Что и говорить, специфика образа и действия человека в современной культуре действительно изобилует всевозможными «транс-» и «пост-» обозначениями, характеризующими его как переходную сущность. Вряд ли будет преувеличением суждение, что современная антропология вынуждена решать проблему информационного человека уже как «транс-» или «пост-» человека, принимая во внимание перспективу его дальнейшего развития. Современная ситуация в целом характеризуется невозможностью создания на основе синтеза философских и научных представлений универсальной модели человека, так что «...человека можно определить скорее отрицательно (через несводимость, непредопределенность, незаменимость, неповторимость, невыразимость и т. д.), что свидетельствует о его исключительной, нередуцируемой ни к твари, ни к творцу природе и положении внутри универсума» [19, с. 124–125].

Что же в итоге? С нашей точки зрения, все рассмотренные выше концепции социогенеза и сущности *homo informaticus* являются несколько односторонними. В них акцентируются преимущественно негативные аспекты становления нового человеческого бытия — опустошенность и отчужденность (Э. Фромм), «аутичность» и асоциальность (М.Г. Абрамов), чрезмерная погруженность в виртуальный мир, сопровождающаяся забвением мира реального (Ю.А. Васильчук), неустойчивость и шаткость, связанные с переживанием кризисной ситуации «пост-» (В.И. Само-

хвалова, Ю.В. Шичанина) и т. п. Преобладание подобного рода деструктивных трактовок заставляет задуматься над тем, что мышление *homo informaticus* не может быть направлено лишь только на саморазрушение – его второй ипостасью является *созидание*. Этому складывающемуся типу личности по определению должен быть присущ некий уровень *самоорганизации*, а также стремление к *познанию*. Причем эти ментальные характеристики должны выступать в качестве доминирующих, иначе потребность в получении необходимой информации просто не может быть реализована. Все это предполагает определенный набор личностных качеств рассматриваемой модели, в числе которых наиболее приоритетными представляются следующие: мотивированность, целеустремленность, рациональность, прагматичность, методичность, сосредоточенность, последовательность и т. п. Иначе говоря, все то, что ориентирует действия индивида на пути продвижения к поставленной цели, достижению оптимального результата.

Очевидно, что по мере нарастания объема информации человеку становится все труднее ориентироваться в ее содержании, ограждать себя от ее избытка, отсортировать и выбирать именно то, что действительно необходимо. Количественный прирост информации грозит сегодня превзойти все мыслимые и немыслимые пределы. Человек, находящийся под воздействием всевозрастающего давления СМИ, начинает испытывать все нарастающий дискомфорт, т. е. информационную перегрузку. Последняя представляет собой «...полезную (ценную) информацию, количество которой превосходит объективные возможности восприятия ее приемником (человек, группа людей)» [20, с. 114]. Суть информационной перегрузки, таким образом, сводится к тому, что количество поступающей информации оказывается неизмеримо выше фактических возможностей ее восприятия человеком. Несмотря на то что человек – одно из наиболее приспособленных созданий на Земле в отношении приема информации, он все же оказывается не в состоянии справиться с ее избытком, поскольку его пропускные физиологические способности довольно ограничены.

Итак, современное поколение людей вынуждено жить в таком безбрежном «океане» информации. Закономерно возникает вопрос: до какой степени человек сможет выдерживать обрушившуюся на него информационную перегрузку, существуют ли способы ее избежать? Несомненно, информационная перегрузка препятствует нормальной деятельности людей. Именно потому в современных условиях просто необходимо: (1) четко определять цели деловой активности; (2) использовать только необходимую информацию; (3) производить отсев информации с выделением наиболее существенного; (4) вырабатывать наиболее рациональные приемы и методы управления информацией, что связано формированием высокого уровня информационной культуры [20, с. 120–121].

Трудно не согласиться с приведенными выше требованиями. Однако хотелось бы обратить внимание, что проблема информационной перегрузки – это проблема не только социальная, но и физиологическая. Малоподвижный образ жизни, свойственный современному *homo informaticus*, не способствует физическому и духовному здоровью и в конечном счете сказывается на производительности умственного труда. «...Для того чтобы адекватно реагировать на нечеловечески огромный прирост информации, эффективно ее использовать, отвечать задачам постиндустриального развития, человек должен обрести качественно новые способности, радикально преобразовать сущность, образ, телесность и наличный способ взаимодействия с окружающим мультиверсумом. В информационных потоках такой индивид должен уметь осуществлять себя уже как мультитвид, используя сетевую логику (инологику) и возможности сетевого интеллекта. Поскольку информационные пространства чрезвы-

чайню отзывчивы к активности человеческого ума и воображения, именно эти качества могут стать основой антропоцентрического преобразования» [19, с. 124–125]. Основные вехи этого процесса нам еще предстоит проанализировать.

Библиографический список

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экон. шк., 1998. 230 с.
2. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 432 с.
3. Сорочайкин А.Н. Homoeconomicus: антропологические предпосылки и эпистемологические допущения экономических теорий. Самара: Офорт, 2009. 352 с.
4. Филатов В.П. Модели человека в социальных науках // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 125–140.
5. Миннегалиев И.М. Экономическая культура в системе общественного воспроизводства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2012. 21 с.
6. Моргунова А.Г., Шестаков А.А. Феномен антропологических моделей в экономической теории и опыт моральной философии // Вестник Самарского университета. Сер.: Экономика и управление. 2012. № 10 (101). С. 110–116.
7. Стоцкая Т.Г., Шестаков А.А. Экономическая рациональность как теоретическая модель: сущность, основные элементы, эвристический потенциал // Вестник Самарского университета. Сер.: Экономика и управление. 2012. № 1 (92). С. 206–211.
8. Шестаков А.А. Теоретические конструкты в экономической теории: сущность и способы формирования // Вестник Самарского университета. Сер.: Экономика и управление. 2012. № 1 (92). С. 212–217.
9. Шестаков А.А. Экономический принцип как исследовательская программа: взаимодействие предметного и рефлексивного уровней // Вестник Самарского университета. Сер.: Экономика и управление. 2011. № 10 (91). С. 22–27.
10. Кутырев В.А. Человеческое и иное: борьба миров. СПб.: Алетейя, 2009. 264 с.
11. Берг А.И. Кибернетика и общественные науки // Методологические аспекты науки. М.: Наука, 1964. С. 252–260.
12. Абрамов М.Г. Человек и компьютер: от HomoFaber к HomoInformaticus // Человек. 2000. № 4. С. 127–134.
13. Тарасенко В.В. Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 111–120.
14. Цуканов Е.А. Место информационной среды в экосистеме «человек – социум» // Научно-культурологический журнал. 2013. № 1 (257) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reiga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=226&level1=main&level2=articles>.
15. Homoinformaticus // BPGame.ru. Портал ролевых игр. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rpgame.ru/index.php?showtopic=948>.
16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. 670 с.
17. Васильчук Ю.А. Социальное развитие человека в XX веке // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 5–26.
18. Самохвалова В.И. Финалистские настроения и перспективы // Полигнозис. 1999. № 2(6) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polygnosis.ru/default.asp?num=6&num2=333>.
19. Шичанина Ю.В. Основные тенденции информационной антропологии // Спектр антропологических учений / отв. ред. П.С. Гуревич. М.: ИФРАН, 2010. Вып. 3. С. 114–130.
20. Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей // Социс. 2005. № 5. С. 114–121.

*A.A. Morgunov**

HOMO INFORMATICUS AS A HEURISTIC MODEL

The paper is devoted to the analysis of regularities of theoretical exploration of the world, in particular, to the procedures of formation of models of a person in various branches of social knowledge. Special attention is paid to the disclosure of specifics of theoretical construct of homo informaticus, understanding of his world outlook and methodological potential.

Key words: ideal type, idealization, theoretical construct, information anthropology.

* *Morgunov Andrey Alexandrovich* (andrew.morgunov@gmail.ru), the Dept. of Philosophy and History, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara, 443001, Russian Federation.